

РАФАЭЛЬ МОВСЕСЯН

поэт, переводчик

Родился в 1987 году в Ереване, в семье архитектора-строителя. С 1994 по 2011 год жил в России — в Нижегородской области, Твери, Москве, Долгопрудном (Московская область). В 2010 году окончил Московский государственный лингвистический университет по двум специальностям — «Юрист» и «Переводчик». Параллельно с учёбой работал юрисконсультom и частным репетитором, преподавал историю русской поэзии в гимназии.

Владеет английским, армянским, русским и итальянским языками. Является победителем Всероссийского поэтического конкурса им. Николая Рубцова (2009).

Публиковался в журналах «Арион», «В квартире 44» и др. Резидент поэтического товарищества «Сибирский тракт». В июне 2011 в «Доме Нащокина» в Москве, состоялся первый авторский вечер, который носил название «Буквы на воде». С осени 2011 живёт в Италии, (Турин), являясь студентом Università degli Studi di Torino, факультет Иностранных языков и литератур. Работает переводчиком.

* * *

я стою босиком на песке в полногрудой воде —
мои стопы она лишь едва пеленой покрывает.
и дрожит надо мною густая в кисейной фате
синева поднебесной. и птица с зарёю играет.

пусть вода на песке — это вечность на вечности, я
умываю лицо и ласкаю ладонями волны.
ведь я тоже песок. ведь я тоже кусок бытия,
что стоит на воде и пускает глубокие корни.

древо познания

я в мешках под глазами храню золотые монеты;
их даёт мне природа за каждую ночь безо сна.
но тише... ты слышишь? поют, словно барды, кометы.
и сквозь кончики пальцев во тьму прорывается весна.

ломаются кости — наружу выходят ветвями.
 и ноги корнями, как в вечность, под землю идут...
 и мы обрастаем
 птенцами,
 листьями,
 словами —
 моё бормотанье на небе, конечно, поймут.

я — древо познания с телом огромного дуба,
 и с этого древа лишь мне позволено есть.
 так каждый срывает
 бесчувственно,
 радостно,
 грубо
 тот плод перезревший, который нам выпало несть.

* * *

...хоть вены голубы и кровеносны,
 я покрываюсь серой чешуёй.
 ...и молодость моя, как кровь из носа,
 касаясь губ, течёт к земле чужой.

...сорвусь с крючка и плюхнусь в воды мира,
 в мой верный дом — единый океан.
 ...там ждёт меня любовница Сивилла.
 ...там ждёт меня приятель Оссиан.

...там, под водой, не слышно канители,
 а толстый лёд — на небо так похож,
 что кажется — вот только улетели...
 что кажется: сейчас и ты поймёшь...

* * *

две белых лошади светились в темноте —
 к траве упругой мягко шеи гнули;
 так — близорукие читают на воде
 следы от букв, которые спугнули.

деревня. лес. в пруду лежит луна.
 нехватка слов — как воздуха — приятна.
 и жизнь такая, что уйдя туда,
 когда-нибудь воротишься обратно.

Троица

пространство — время — боль; такое сретенье,
 что слой за слоем трескается свет...
 и ангел, словно следователь, сведенья
 записывает в кожаный билет.

такая встреча — всем воздастся стóрицей.
 и вместо снега с неба сыплет соль.
 и я молюсь. молюсь на эту Троицу:
 пространство —
 время —
 боль.

* * *

так много слов, а тишина — одна.
 она
 ладонью достигает дна.
 и все слова — над нею —
 точно рыбы.

* * *

принадлежу, и значит — существую.
 и значит, губы — правду шевелят.
 и сосны-феодалы торжествуют.
 и руки от бессилия болят.

бессилие! и значит, высь похожа
 на глубину. и я бессмертно рад,
 что все, кто оцарапывает кожу,
 друг другу, как земле, принадлежат.

беспомощно моргает сигарета.
 как птица, машет крыльями трельяж.
 и, пальцами моими разогретый,
 ломается о душу карандаш.

* * *

под горбатым мостом — государственность слёз. свиристель
 воздвигает собор. я рисую тебя акварелью.
 вдруг покажется, что по-над жизнью моей просвистел
 весь тот тихий маршрут, за который и мы постареем.

на горбатом мосту, обесточив сияние, ночь
растворяет себя в недостроенной каменной кладке.
и слова, прозвучав между нами, уносятся прочь
в голоса разодетые, любят друг друга украдкой.

и молчание станет нам сыном и будет звенеть
над горбатым мостом, ожидая старенья усердно.
нам останется память о звуках. мы будем глядеть
лишь на губы друг друга так долго, как будто бессмертны.

* * *

о, прошлое!
темнотою губ своих
осени меня!
обогрей меня холодом своим.
отдай меня будущему,
то есть — настоящему.
оставь меня ему.

о, прошлое!
ты знаешь всё,
что мне когда-то
не дали
или то,
что у меня когда-то
отобрали.
и это всё то,
что я люблю больше всего.
больше всего того,
что мне дали
или вернули.

о, прошлое!
вместившее в себя всю тишину.
точнее —
сумму тех мгновений,
когда я застывал,
прогуливаясь по городскому парку
или прислонясь
ночью
лбом
к холодному
оконному
стеклу.
о, прошлое!

отдающееся мне, как шлюха, по ночам
 через сны и мысли.
 остающееся во мне — как болезнь,
 как тоска,
 как сердце.

о, прошлое!
 ты подобно киноплёнке.
 а память —
 видеонарезке запомнившихся кадров.

о, прошлое!
 будущее засучит тебя, как рукава,
 а ты всё равно будешь ежечасно
 опрокидывать меня
 в свой
 немолчный
 котёл.

* * *

я верю: тишина — праматерь языков.
 я верю, что язык — свобода от оков.
 я верю также, что молчанье —
 начало языка и окончанье.

* * *

когда-нибудь среди другой зимы
 по кровле обезвоженного рая
 я вдруг пройду. но не выносим мы,
 когда бредём, следов не оставляя. стирая
 пуговицы и карманы дней,
 пристёгнутых к годам-десятилетиям,
 мы делаем вселенную полней,
 а незаполненное посылаем детям.

* * *

туда, где проповедует метель
 свои мечты снегами и ветрами,
 я полечу, чтоб выть над куполами
 за пыльными задворками недель.

ты мне приснишься среди царства льда
такая же задумчиво-пустая
и руки, твоих бёдер достигаая,
тебя не достигают никогда.

мне боязно держать за пустоту
вселенную. наивная отрада —
свобода прозревающего взгляда,
не видящего больше красоты.

* * *

дороги с белыми разметками,
и вдоль — усталые поля.
играют тоненькими ветками,
закуривая, тополя.

их дымка тянется как гончая,
и неба голубая тишь
такая чистая и точная,
что поневоле замолчишь.

руки

уже бездействуют окурки —
их не уносит ветер прочь;
тобой неласканные руки
тебя ласкают в эту ночь.

рыдаю. чудятся вершины —
бесповоротней и больней
ломает руки у мужчины
всё то, что кажется слабей.

я стерегу твои печали,
и мы, по нежности скользя,
должно быть, что-то означали
в том мире, где без рук нельзя.

* * *

...и от сотворения мира мы были знакомы.
и молот один нас, как кукол, прибил к небесам.
закованы в цепи одни, и единым порывом влекомы —
как парус мы белый! как пух, что летит к волосам!

мы — крик однородный. мы — время, что ходит по кругу.
 распяты чайки да чёрные палки креста —
 и, бросив себя, мы летим исступлённо друг к другу...
 и буквой заглавной срываемся с кожи листа...

птичка

Э. П.

я продам что осталось от юности и куплю себе домик под Вологдой.
 будешь в доме моём ты хозяйкою, будем вместе мы греться от холода.
 будем молча бродить по сугробам, улыбаться улыбкой блаженных,
 где забыта и сладость победы, и сверлящая боль поражений.
 ты забудешь, как гладить рубашки; я забуду, как выглядят деньги.
 и кровать мы поставим в гостиной, чтобы видеть распяты на стенке.
 впрочем, что за гостиная, если к нам никто не узнает дорогу...
 по весне разливаются реки, по весне вновь увидим осоку.
 так смешно мне писать эти строки. за окном вновь бежит электричка.
 мы свободны? ах, нет. прекратите. кто свободен? вот эта вот птичка.

неизбежность

дом горел на перекрёстке у душистого левкоя.
 обжигало пламя руки, оставляло без покоя.
 и заборы, отстраняясь от хохочущего жара,
 шевелили позвонками на груди земного шара.
 и раскрытые тетради на столе у старой печи,
 как во сне, кричали молча — в страхе и без дара речи.
 ...ну а дом стоял спокойно — это радость обречённых:
 знать в подробностях дорогу к месту слов неизречённых...

на смерть античного бога

...грохот ресниц и пропадающего под веком зрачка —
 теперь умирают так: от движения пальца и щелчка.
 ...а помнишь Грецию? теперь её называют «древней», «другой».
 никто, в общем-то, не заметил, что ты ушёл на покой.
 боги, цари, герои, колонны, горы, море, трава.
 хладнокровно протыкает самое горло льва
 с зажатым в ладони копьём спартанец.
 Греция — страна философов и пьяниц.
 нет, не оглядывайся теперь на портики, на перистиль,
 алтари. будь благоразумен. Бог тебя простил
 за твоё величие, за твой Олимп
 (если ты добровольно вышвырнул в пропасть нимб).

в мыслях о тебе уже давно завелись черви — так ты стар. теперь людей пугает диавол, их убивает рак. что в смерти твоей, бог? ты, могущественный, убит криком иудейского младенца. святая клика превратила тебя в ничтожество, в прошлое, в миф. первым христианином был, наверно, Сизиф, вздохнув с облегчением и зарыв валун глубоко под землю... сколько тысяч лун ты проплакал с тех пор, мёртвый, в воображаемом гробу? воскресни на мгновение, кинься в ноги рабу — лишь бы одним взглядом очертить Фермопилы, Марафон... а потом бежать со слезами из этого мира вон! ...как тебя не любить? такого похожего на человека и в то же время божественного... жизненный путь крив и всегда обрывается; даже у богов. но зато после смерти мы бессмертны... а безжизненны ли? то может оказаться сном, вечной жизнью, небытием, путешествием в страну Аида. «я тебя съем», — прошептал в Вифлееме младенец и запел. в Греции так много извести. ты, наверно, мел... я беру тебя в руки и на грифельной доске вывожу Илиаду. а после, на песке, рисую Одиссею пальцем... и, кажется, чувствую себя иностранцем...

* * *

я — гвоздь в стене,
ребро железа в камне,
заржавленная прихоть молотка;
я — путь из бытия в непониманье
за рубль, кем-то купленный с лотка.

первый снег в Турине

выпал снег: волшебный город...
как любой, где выпал снег.
поднимаю чёрный ворот,
опускаю трепет век.

я иду неосторожно.
памятник во тьме дрожит.
что-то питерское можно
вдруг принять за миражи.